

М. М. Бенцианов

«КНЯЖЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ» В НОВГОРОДСКОЙ ПОМЕСТНОЙ КОРПОРАЦИИ НА РУБЕЖЕ XV–XVI вв.

«Княжеский» вопрос – положение княжеских родов и фамилий и их роль в организации системы управления и службы Русского государства, имел продолжительную историю и неоднократно привлекал к себе внимание исследователей. Уже в середине XIV в. «под рукой» у московских князей находилось определенное число служилых князей, без употребления самого термина. Непрочность и зыбкость положения князей-изгоев в сочетании с сакральным значением княжеского титула (все русские князья рассматривались как «братья»), приводили к их постепенному слиянию с боярами. «Добровольно» княжеский титул сложил с себя князь И. Шонур-Козельский. Судя по родословным источникам, подобная практика была довольно распространенной¹. Вместе с титулом представители княжеских фамилий утрачивали право на свой статус, и в дальнейшем не могли претендовать на особое отношение к себе и своим потомкам².

Легализация статуса «служебных» князей произошла в первой трети XV в. с появлением на московской службе нескольких родов владетельных князей Северо-Восточной Руси, сохранивших свои земли³. Представители этих родов, со временем объединенные в особые княжеские корпорации, «локальные корпорации служебных князей» по определению В. Д. Назарова, заняли свое место в составе великокняжеского двора, а также в составе дворов удельных князей московского дома. Княжеские корпорации использовались для организации службы на окраинах страны. Этому способствовало «удачное», приграничное расположение их родовых вотчин⁴. Принадлежность к ним определялась, ис-

¹ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 285–286, 331–332, 359, 361, 363, 369, 418, 458; *Кузьмин А. В.* На пути в Москву. М., 2014. С. 59–197.

² В Новгородской земле князья Копорские вошли в состав местных землевладельцев, потеряв свой титул (*Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 213–228).

³ Первоначально князья, оказавшиеся под властью Москвы лишались земель. Дмитрий Донской, например, согнал Д. И. Галицкого и И. Ф. Стародубского.

⁴ *Бенцианов М. М.* Княжеские родовые корпорации в Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. // Историческая генеалогия. Екатеринбург, 1995. Вып. 9. С. 5; *Назаров В. Д.* Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // РД. М., 1999. Вып. 5. С. 190–191.

ходя из наличия у потомков выбранных княжеских родов «отчин и дедин», с которых они несли свою службу⁵.

Менее определенным в первой половине XV в. оставался статус безземельных служилых князей. Большинство из них сохраняли за собой свой титул, но уже не передавало его детям. А. В. Кузьмин показал различия, существовавшие в документах официального и частного происхождения применительно к Порховским⁶. Попытки «опустить» титул фиксируются в делопроизводственных материалах конца XV в., в том числе в новгородских писцовых книгах⁷. Такие примеры были характерны для представителей захудавших фамилий, обладавших низким статусом. В писцовой книге Водской пятины титул отсутствовал у Путьяиных, Г. Ф. Белосельского, а также Г. и Ф. И. Мещерских. Приведенные факты «очищения» указывают на значение, которое продолжало уделяться носителям княжеского титула.

Начиная с 30-х гг. XV в. «князья» фигурируют в качестве категории служилых людей, наряду с боярами и детьми боярскими («князи, и бояре, и дети боярские»)⁸. Эти категории легли в основу структуры Государева двора, зафиксированной в разряде 1495 г. и просуществовавшей без серьезных изменений вплоть до середины XVI в. Введение «княжеского элемента» (и его первенствующее положение в ней) в систему организации Государева двора имело далеко идущие последствия.

Анализ Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. показывает, что многие поместные корпорации, формирование которых происходило в первой половине века (Вязьма, Дорогобуж⁹, Белая, Кашира и т. д.), в своей структуре брали за образец организацию Государева двора. В них среди «дворовых» находились собственные «князья», «бояре» и «дети боярские»¹⁰. Такая роль повышала значение «князей» при создании новых корпораций. Отрываясь от родовых центров землевладения (зачастую, принудительно), они, тем не менее, сохраняли свой прежний статус на новых местах службы. Вопрос о наличии или отсутствии у них родовых вотчин не имел в этом случае принципиального значения. «Князьями» в составе поместных корпораций на равных становились представители

⁵ О мерах по консервации княжеского землевладения см.: *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 77–79.

⁶ *Кузьмин А. В.* На пути в Москву. С. 162–165.

⁷ В. Д. Назаровым отмечено «усечение» титула в разрядной записи 1495 г. у ряда лиц княжеского происхождения. Некоторые из них (Небогатый Голицын) были помещены вдали от родственников и, видимо, рассматривались как дети боярские, а не «князья» (*Назаров В. Д.* О титулованной знати в России в конце XV в. // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 1998 г. М., 2000. С. 201–202).

⁸ В сообщении о бегстве служилых людей к Василию Темному в 1433 г. упоминались: «князи же, и бояре, и воеводы, и дети боярские».

⁹ В 1547 г. грамоты адресовались «в Вязму и в Дорогобуж князем и детям боярским дворовым и городовым».

¹⁰ *Бенцианов М. М.* К вопросу о формировании смоленской служилой корпорации // *Русское средневековье: Сборник статей в честь Ю. Г. Алексеева.* М., 2012. С. 443–444.

старых владельческих родов Северо-Восточной Руси и пришлые литовские и татарские выходцы.

Впервые организованные поместные раздачи были апробированы на территории Новгородской земли, затронув представителей княжеских родов и фамилий. Реконструкция процесса испомещения этих «князей» и определение их места в дальнейшей организации службы позволяют проследить изменение политики центрального правительства в отношении «княжеского элемента» и демонстрирует своеобразный срез лиц и фамилий, обладавших различным статусом и ставших, волей или неволей, в конце XV – начале XVI в. новгородскими помещиками.

Несмотря на высокий уровень сохранности источников и уже упомянутый интерес к «княжескому вопросу» в историографии, существует всего несколько работ, которые так или иначе связаны с изучением положения княжеских фамилий на новгородских поместьях. В определенной степени «невнимание» историков к этой проблеме было связано с «выпадением» новгородских ветвей из родового счета.

Большое внимание «княжатам» было уделено Г. В. Абрамовичем, который рассматривал появление многих из них здесь в рамках, так называемого, «аристократического» периода поместных раздач. Отсутствие обоснования выводов по хронологии испомещений, наряду с большим числом неточностей, к сожалению, значительно снижают ценность предпринятого им исследования. Ряд наблюдений о княжеском землевладении и особенностях статуса князей-помещиков был сделан Г. А. Победимовой на примере князей Ростовских в Деревской пятине. Вопрос о причинах потери новгородских поместий «князьями» поднимался А. Л. Корзининым. Некоторые новгородцы – представители княжеских фамилий фигурировали в обзорных исследованиях А. А. Зимина и В. Б. Кобрин¹¹.

Среди «князей», получивших поместья в Новгородской земле, на рубеже столетий были представлены различные социальные группы. Одним из крупнейших помещиков был, например, И. Ю. Патрикеев, «наивысший» московский воевода, двоюродный брат Ивана III. Невысоким социальным статусом обладали Путятины, отсутствующие в родословных книгах, а также тверские выходцы Селеховские. В разное время произошло и испомещение представителей княжеских фамилий, что во многом определило размеры их поместий. Учитывая большое значение, которое оказывало на положение того или иного служилого человека, статус его близких родственников и однородцев, целесооб-

¹¹ *Абрамович Г. В.* Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в.: Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1975. С. 90–93, 103–105; *Победимова Г. А.* Писцовые материалы Деревской пятинны как источник по генеалогии служилого сословия XVI в. // ВИД. Л., 1983. Вып. 14. С. 61–85; *Корзинин А. Л.* Княжеская аристократия под Новгородом в конце XV – начале XVI в. Причины утраты знатью новгородских земель // Труды кафедры Истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. Т. 1. С. 388–410; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 28–113; *Кобрин В. Б.* Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 19–137.

разно рассматривать совокупность «князей» в соответствии с делением на отдельные рода и фамилии, хотя родство в некоторых случаях и имело формальное значение.

Всех представителей княжеских фамилий можно разделить на 3 группы. Первую из них составляли «князья», обладающие высоким индивидуальным статусом, – знатные Гедиминовичи: Ф. И. Бельский и Патрикеевы, тверские князья С. и В. Д. Холмские, а также Бабичевы-Друцкие, занимавшие положение, близкое к служилым князьям.

Более многочисленными были представители родов, образовавших в это время княжеские корпорации и сохранившие за собой часть родовых земель: князья Ярославские, Ростовские, Стародубские, Оболенские.

Трудно сказать, когда утратили свои земли другие представители княжеских фамилий, оказавшиеся в Новгородской земле на рубеже XV и XVI столетий. Для них достижения по служебной лестнице были связаны со службой в составе новгородской корпорации.

«Князья» индивидуального статуса

Князь Федор Иванович Бельский. Ф. И. Бельский не принадлежал к числу помещиков. Кратковременным оказалось и его пребывание в Новгородской земле. Для понимания процессов, происходивших в первые годы после завоевания Новгорода, и роли, отводимой на начальных этапах создания военной организации «князьям», факт его пребывания здесь, однако, имеет важное значение.

В 1481/82 г. Ф. И. Бельский был вынужден бежать в Москву после неудачной попытки мятежа в Великом княжестве Литовском. Этот знатный эмигрант был радушно принят Иваном III, который передал ему значительные территории в Новгородской земле: «Демон в вотчину да Мореву со многими волостями». В числе этих волостей, как показал А. А. Фролов, была Велила¹².

Статус отдельных владений в рамках этого «княжества», скорее всего, был различным. Волость Велила в разъезде 1483 г. была великокняжеской. В Мореве известны были деревни «за княжими слугами». В Демоне же вплоть до конфискаций второй половины 80-х гг. сохранялись владения новгородских землевладельцев, при отсутствии значимого массива оброчных земель, то есть можно говорить только о верховной власти Ф. И. Бельского над этим уездом. Уже после потери новгородских земель он получил «в вотчину город Лух с волостями, да волости Вичюгу, да Кинешму, да Чихачев»¹³.

¹² *Зимин А. А.* Формирование... С. 124; *Фролов А. А.* Изменения в численности и составе погостов и волостей Деревской пятины во второй половине XV века // Вестник Московского университета. 2002. № 1. С. 62.

¹³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.: Л., 1950. № 89. С. 357; Новгородские писцовые книги (далее – НПК). СПб., 1862. Т. 2.

Значительная часть юга Новгородской земли в 80-е гг. была передана в руки «князей». По соседству с землями Ф. И. Бельского располагалась волость Березовец, принадлежавшая И. Ю. Патрикееву. В «чернокунском» Холмском погосте были владения и у С. В. Бабича-Друцкого. Передача им этих волостей отражала, очевидно, планы по противостоянию Великому княжеству Литовскому, которое во многом реализовывалось силами служилых князей¹⁴. Князь Федор активно проявил себя в этом качестве. В 1485 г. он принимал участие во взятии Твери. Жалобы литовских послов на «кривды» с его стороны свидетельствуют о значительной роли, которая отводилась ему в ведении «странной» войны. В распоряжении у него находилось значительное количество «вассалов», среди которых были и бояре¹⁵. В 1492 году Ф. И. Бельский был обвинен в измене и «пойман» на Луху. К этому времени он, очевидно, уже лишился своих новгородских владений.

Патрикеевы, князя. Патрикеевы, породнившиеся с московскими князьями, были наиболее могущественной и влиятельной фамилией при московском дворе. И. Ю. Патрикеев на протяжении большей части своей жизни был, как и его отец, наместником московским и рассматривался как «наивысший воевода». В Новгородской земле ему принадлежало несколько владений: огромная волость Березовец (282 обжа), а также участок в Шелонской пятине, обеспечивающий потребности городского двора¹⁶. Судя по именам прежних владельцев – Марфы Исаковой и И. Кузмина (Овинова зятя), эти земли были переданы ему еще в начале 80-х гг., после первых земельных конфискаций. Пожалование волости Березовец имело определенную символичность: прадед, дед и дядя этого влиятельного вельможи были князьями на службе у Велико-го Новгорода, получавшими земли «в отчину и в дедену»¹⁷.

Отдельные владения в Новгородской земле принадлежали его сыну Василию Косому. Как и в предыдущем случае, у него было значительное по своим размерам поместье в Бежецкой пятине, примыкающее к землям его зятя – С. И. Ряполовского (219 обеж), и небольшой надел неподалеку от Новгорода. Эти владения относятся к более поздним этапам поместных раздач и могли быть им получены не ранее конца 80-х гг. Несмотря на «статусный» характер этих пожалований, князь

Ст. 736. В 1526 г. князь Ф. М. Метиславский получил Малый Ярославец «в вотчину», а Каширу и ряд волостей (Мышега) в кормление.

¹⁴ Кром М. М. *Меж Русью и Литвой*. М., 1993. С. 82, 99.

¹⁵ «Князя Феодора бояре, на имя Глазов, а Офонас» (Сборник русского исторического общества (далее – Сб. РИО). СПб., 1882. Т. 35. С. 36). Среди «добрых» слуг называется также Митя Иванов Юров. Позднее один из его слуг, постригшись в монахи, стал известен как Тихон Луховский.

¹⁶ НПК. СПб., 1859. Т. 1. Ст. 639–652; НПК. СПб., 1905. Т. 5. Ст. 290. Новгородские владения И. Ю. Патрикеева отсутствуют в его завещании и, видимо, не рассматривались как наследственные.

¹⁷ Волость Березовец входила в состав княжеского домена и была освоена Борецкими только во второй половине XV в. (Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. (далее – АИСЗР) Л., 1971. Т. 1. С. 85).

В. И. Патрикеев поучаствовал и в собственно новгородской службе. В 1495/96 г. он был главным воеводой большого полка в походе на «Гамскую землю»¹⁸.

Блестящая карьера И. Ю. Патрикеева и его сына Василия была прервана в 1499 г. После учиненной опалы оба они оказались пострижены в монахи, а их новгородские владения переданы в ведение великого князя.

Новгородским помещиком был также Д. В. Щеня, выдающийся воевода конца XV – начала XVI в. Его поместье в Бежецкой пятине было даже более внушительным, чем у его двоюродного брата, В. И. Косога, и насчитывало 260,5 обож. Он отметился на новгородской службе, возглавляя в 1495 г. поход на Выборг, а в следующем 1496 г. – поход на «свейские немцы». Трудно сказать, когда он потерял свои новгородские владения (в 1501 г. и в 1508–1510 гг. он назначался новгородским наместником), и было ли это связано с опалой его родственников¹⁹.

Корецкие вели свое происхождение от брата Юрия Патрикеевича Александра, владевшего крепостью Корец на Волыни. Сведения о представителях этой фамилии на московской службе отсутствуют вплоть до их появления на новгородских поместьях. Вполне вероятно, что потомки А. П. Корецкого все это время находились в родовых владениях, откуда перебрались в Москву в конце XV в. под патронаж к влиятельным родственникам. Их появление в Новгороде синхронно совпало с опалой Патрикеевых: имена Корецких содержатся в приписках к писцовой книге с датировкой «7007» и «7008»²⁰. Здесь, несмотря на знатное происхождение, они получили далеко не выдающиеся поместья – каждой из пары братьев (Иван Большой и Семен Волох, а также Иван Меньшой и Василий Семеновы) досталось по 72 обжи. Платежная книга 1543 г. свидетельствует, что они потеряли эти поместья. За исключением Данилы и Волоха (Семена), имена остальных братьев отсутствуют в родословных книгах.

Судя по землевладению его потомков, поместье Д. С. Корецкого располагалось в Шелонской пятине и достигало воеводского оклада – 50 обож. Именно он упоминался в 1502 г. в разрядной книге: «А люди были... ноугородцких всех пятин, опричонно князя Данила Семеновича Корецкого з братьею».²¹ Его потомки вошли в состав элиты новгородской корпорации. В 1538–1539 гг. Б. Д. Корецкий был первым из голов при воеводах в полках на Коломне. С ним безуспешно пытался местничать Б. А. Приимков. Он умер в 1543 г., а его поместье перешло к жене Офросинье и сыну Ивану. Последний – «живет на Москве у государя у

¹⁸ Писцовые книги Новгородской земли (далее – ПKNЗ). М., 1999. Т. 1. С. 224; Разрядная книга 1475–1598 гг. (далее – РК 1475–1598) М., 1966. С. 27.

¹⁹ ПKNЗ. Т. 1. С. 228; Зимин А. А. Формирование. С. 32–33; РК 1475–1598. С. 24, 27.

²⁰ НПК. Т. 1. Ст. 218, 221, 408, 413, 415.

²¹ ПKNЗ. М., 2009. Т. 6. С. 111; Разрядная книга 1475–1605 гг. (далее – РК 1475–1605). М., 1977. Т. 1. Вып. 1. С. 78.

великого князя». Как и другие знатные новгородцы, И. Д. Корецкий оставил новгородскую службу, получив поместье в Дорогобуже²².

Холмские, князя. Д. Д. Холмский перешел на московскую службу где-то в 60-е гг. XV в., породнившись с семьей великого князя²³. При дворе Ивана III он долгое время находился на положении служилого князя, неоднократно упоминаясь в летописях и разрядах в качестве воеводы ряда важнейших походов. В Бежецкой пятине в конце 90-х гг. огромное неразделенное поместье (432 обжи) принадлежало его сыновьям. Не исключено, что оно прежде находилось в руках у самого Д. Д. Холмского²⁴. пожалование обширных новгородских владений было, вероятно, обусловлено ролью, которая отводилась ему в охране границ. При отсутствии постоянного воинского контингента из числа местных помещиков защита новоприсоединенной территории во многом осуществлялась за счет отрядов московской знати. Старший из сыновей Д. Д. Холмского Семен был задействован в новгородской службе. В 1497 г. был отправлен с полками к Нарове. Ранняя смерть (1500 г.) прервала его карьеру²⁵. Более известной политической фигурой был его брат Василий. В 1500 г. он женился на дочери Ивана III Феодосии. Видимо, по случаю этого брака ему были пожалованы крупные массивы земель в Деревской пятине²⁶. Ему была отдана волость Смерда (244 обжи), а также участи в Устьянском погосте. Этими новыми владениями, впрочем, он распорядился всего несколько лет. К 1511/12 г. эти земли были им потеряны²⁷. Это могло произойти в 1508 г., когда В. Д. Холмский был отправлен в заточение на Белоозеро, или даже еще ранее – в 1501 г., после смерти Феодосии²⁸.

Бабичевы, князя. В «чернокунском» Холмского погоста, перешедшем в ведение великокняжеской администрации еще в конце 70-х гг. XV в., упоминаются земли (поместье?) С. Бабича. Поместье его сына, Ивана Бабичева, в Шелонской пятине составили земли Л. Федорова и М. Берденева, конфискованные еще в 1481 г.²⁹ В новгородской службе был задействован также Ю. В. Бабичев, незадачливый воевода Ивангорода в 1496 г.³⁰

²² РК 1475–1598. С. 94, 96, 98; ПКНЗ. Т. 6. С. 111; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее – ДАИ). СПб., 1846. Т. 1. № 52. С. 93.

²³ На его племяннице Ульяне был женат князь Борис Волоцкий.

²⁴ ПКНЗ. Т. 1. С. 237. Единственным владельцем двух принадлежащих им волосток был А. Посохнов.

²⁵ РК 1475–1598. С. 28.

²⁶ Одновременно у него, правда, были взяты участки земли в Водской пятине, всего 10,5 обож. Не исключено, что он также потерял в это время свою часть поместья в Бежецкой пятине.

²⁷ ПКНЗ. М., 2004. Т. 4. С. 201–202, 359, 482; Баранов К. В. Новгородская грамота 1511/12 года // РД. Вып. 5. М., 1999. С. 10–12.

²⁸ Зимин А. А. Формирование... С. 112–113.

²⁹ НПК. Т. 2. С. 836; НПК. СПб., 1886. Т. 4. Ст. 102; НПК. Т. 5. Ст. 18, 21, 24.

³⁰ ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 329.

Бабичи-Друцкие были хорошо известны во второй половине XV в. В 70–80-е гг. эти литовские выходцы, потомки Ивана Бабы, служившего Василию Темному, занимали положение, близкое к служилым князьям. Сам Иван Баба в 1436 г. был князем в Пскове. Кандидатура его сына трижды (1472, 1476 и 1477 гг.) выдвигалась псковичами в качестве своего князя-наместника. Аграфена, сестра С. В. Бабича, в 1485 г. вышла замуж за князя Ивана Рязанского³¹.

Часть Бабичей в конце XV в. (в том числе двоюродные братья С. В. Бабича) находилась на литовской службе³². Наделение С. В. Бабича пограничными землями, вероятно, могло способствовать переходу клана Друцких на службу к Ивану III³³. Эти планы не были реализованы. Бабичевы позднее растеряли свои обширные владения и не сумели закрепиться в элите новгородской корпорации³⁴.

Создание поместной корпорации привело к утрате новгородских земель «князьями» индивидуального статуса. Оставшиеся здесь представители рассмотренных фамилий (Корецкие и Бабичевы) не претендовали на особую роль в организации службы. Размеры их поместий быстро уменьшились, а сами они не слишком выделялись из массы «наугородских помещиков».

Княжеские корпорации

Ростовские, князья

Большое число представителей этого рода оказалось на поместьях в Новгородской земле, что, видимо, было связано с завершением процесса присоединения бывшего Ростовского княжества³⁵. Вероятно, некоторые князья Ростовские переселялись сюда целыми группами, получая новгородские поместья в виде компенсации за свои вотчины. Как отметила Г. А. Победимова, они «сохранили некоторые черты родового вотчинного землевладения княжат», перераспределяя выморочные земли в кругу близких и отдаленных родственников³⁶. Позднее часть из них вернулась в Ростовский уезд, продолжив службу в составе родовой корпорации. Сохранение внутрикорпоративных связей и участие в их судьбах влиятельных родственников, утвердившихся в Боярской думе,

³¹ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 45, 188, 204, 208. ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 6. С. 237. Позднее Ф. И. Бельский, женившись на княжне Анне Рязанской, породнился с Бабичевыми.

³² Д. И. Путятин-Друцкий был киевским воеводой. Еще один представитель этого рода – С. Соколинский был наместником в Торопце, по соседству с владениями С. В. Бабича.

³³ Позднее, в 1508 г. Друцкие поддержали заговор князя М. Л. Глинского.

³⁴ Часть поместья И. С. Бабичева (92 обжи) в 1523 г. была дана в «придачу» (Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. М., 2008. Т. 4. № 499. С. 384).

³⁵ Обе половины ростовского княжества перешли к Ивану III после смерти его матери Марии в 1486 г.

³⁶ Победимова Г. А. Писцовые материалы... С. 65.

способствовало в дальнейшем подъему «новгородских» ветвей этого рода.

Старшая ветвь князей Ростовских в Новгородской земле была представлена князьями **Щепинными** и **Приимковыми**. В Деревской пятине внушительное по своим размерам поместье принадлежало **Б. С. Горбатову Щепину** (85 обож), которое перешло к нему от его отца – С. Д. Щепина. Орина, вдова последнего, упоминается в этом поместье вместе с сыном (Иваном). В платежной книге 1543 г. она показана владелицей собственного поместья³⁷. Этот надел (не менее 38 обож), вероятно, был пожалован младшему сыну Ивану в начале XVI в., после смерти которого достался Орине.

Эта ветвь Ростовских потеряла связи с родовыми вотчинами. Трудно объяснить их выпадение из разрядных назначений. В середине века они, несмотря на это, занимали высокое положение. Тысячником 1 статьи стал князь И. Д. Щепин, известный впоследствии в качестве воеводы³⁸.

Переселение **Приимковых** в Новгород традиционно увязывается с упоминанием села Приимково в завещании А. М. Плещеева 1491 г. «что купил по государя жалованию». В распоряжении у них, тем не менее, остались другие владения на территории Ростовского уезда. Само Приимково вернулось через некоторое время к прежним владельцам, которые затем вновь уступили его однородцам Темкиным³⁹.

В Деревской пятине Приимковым достались крупные земельные наделы. Большая часть их владений компактно расположилась в Городенском погосте. Не исключено, что, как и в случае с Пужбольскими, поместья были переданы им в виде компенсации за ростовские вотчины. Самому Дмитрию Приимкову досталась 151 обжа. 5 его сыновей получили собственные поместья – еще 180 обож⁴⁰. Примечательна легкость, с которой Приимковы растеряли свои владения. Значительная часть их поместий уже в 30-е гг. перешла в руки других лиц⁴¹. А. Д. Приимков, возможно, оставил поместья своим старшим сыновьям Борису и Григорию, а сам вместе с младшими детьми перешел на службу в дмитровский удел. Его имя значится в реликтовом слое рузской писцовой книги, восходящему к 1537 г., а сыновья Роман и Михаил в Дворовой тетради были записаны по удельному Кашину⁴².

³⁷ НПК. Т. 2. Ст. 211–224; ПКНЗ. Т. 4. С. 420. В тексте, видимо, испорчено имя ее мужа – «Орина княж Дмитриевская жена». Часть этого поместья составили конфискованные церковные земли.

³⁸ ТКДТ. С. 82.

³⁹ По наблюдениям С. В. Городилова, в распоряжении у Приимковых сохранялось сельцо Гвоздево. (*Городилов С. В.* К вопросу о родовых владениях ростовских князей после прекращения существования Ростовского княжества // *История и культура Ростовской земли*, 2012. Ростов, 2013. С. 58).

⁴⁰ НПК. Т. 1. Ст. 251–274, 358–365, 559–566.

⁴¹ По мнению Г. А. Победимовой, это было связано с последствиями «морского поветрия» (*Победимова Г. А.* Писцовые материалы... С. 62).

⁴² Рузский уезд по писцовой книге 1567–69 годов. М., 1997. С. 44; ТКДТ. С. 134.

В составе корпорации князей Ростовских числились в середине XVI в. сыновья Ф. Д. Гвоздя Приимкова, который также покинул новгородскую службу. Его земли «запустили от поветря до писца до Жихоря до Ряпчикова». Еще один сын Д. Приимкова Федор Бахтеяр в боярском списке 1546 г. был отмечен как стряпчий⁴³. Среди князей Ростовских числился и В. В. Волков-Приимков. Позднее он был отмечен по Торжку, что, видимо, было вызвано его участием в неудавшемся побеге С. В. Ростовского в Литву в 1554 г.⁴⁴

Только в конце 30-х гг. оставшиеся в Новгороде Приимковы начинают получать разрядные назначения. В 1538–1539 гг. Б. А. Приимков был одним из новгородских голов при воеводах в полках в Коломне, а его дети Никита и Данила вошли в число тысячников. Их основные владения к этому времени располагались уже в Водской пятине⁴⁵.

И. Брюхо и С. И. Пужбольским в той же Деревской пятине принадлежало крупное компактное поместье, составлявшее 184 обжи. Их отец Иван Долгой был одним из ростовских князей, уступивших в 1474 г. свои права на Ростов Ивану III. Переселение Пужбольских на новгородские поместья произошло, видимо, во второй половине 80-х гг., после исчезновения удела великой княгини Марии Ярославовны. Их родовое владение – село Пужбол, перешло в руки великого князя⁴⁶.

В 1496 г. И. Брюхо упоминался среди воевод в летописном тексте о взятии Ивангорода «к граду в помощь не поидоша». В 1501 г. он был наместником Корелы. Именно его рекомендовалось использовать в качестве одного из воевод в походе на «немцы». В 1508 г. он был воеводой в полках, выдвигавшихся с Великих Лук на соединение с мятежным князем М. Л. Глинским⁴⁷. Он, очевидно, входил в число воевод новгородской рати. Уже в первом десятилетии XVI в. земли этих Пужбольских, однако, достались новым владельцам⁴⁸, среди которых был их родственник И. Ю. Бритого-Ростовский.

В Бежецкой пятине располагалось поместье Волоха (В. И.) Пужбольского, составлявшее не менее 70 обож. Это поместье, вероятно, также перешло к новому владельцу – Ф. М. Софроновскому уже на рубеже веков⁴⁹, так что в итоге все Пужбольские быстро «выбыли» из состава новгородской корпорации.

⁴³ ПКНЗ. М., 2004. Т. 5. С. 327; Назаров В. Д. О структуре «государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 52–54.

⁴⁴ ТКДТ. С. 120, 198; Сергеев А. В. Из истории политической борьбы 50-х гг. XVI в. «Дело князя Семена Ростовского» // История и культура Ростовской земли, 2012. С. 70.

⁴⁵ РК 1475–1598. С. 94, 96, 98; ТКДТ. С. 83.

⁴⁶ НПК. Т. 1. Ст. 107–118; Зимин А. А. Формирование... С. 76–78. В середине XVI в. село Пужбол было черносошным. (Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVI века. С. 94–95).

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 233; РК 1475–1598. С. 32, 39.

⁴⁸ Среди них был К. Офросимов, попавший в плен в 1514 г. в сражении под Оршей.

⁴⁹ А. М. Софроновский, его брат, получил поместье до 1500 г.

И. А. Лобан Ростовский получил от Ивана III поместье в Деревской пятине (58 обож). Судя по размерам, это пожалование было произведено в конце 80-х гг. Его сын И. Меньшой погиб в сражении под Оршей в 1514 г. Больше информации сохранилось о следующем поколении Лобановых-Ростовских. В 1554 г. Н. С. Лобанов был среди участников неудавшегося побега князей Ростовских, во главе с боярином С. В. Ростовским, «такие же палоумы князя Лобановы и Приемковы». К моменту составления Тысячной книги Иван и Никита Борисовы Лобановы служили в составе корпорации князей Ростовских⁵⁰. Скорее всего, их отец оставил новгородское поместье.

Сохранилось упоминание о пожаловании С. В. Беклемишеву половины Старой Руссы в 1492 г. «под» Ю. Д. Ростовским. Несмотря на недостоверность даты, это сообщение кажется вполне вероятным⁵¹. Его сын, **Василий Бычок**, помещик Бежецкой пятины, получил крупное поместье размером в 69 обож. Позднее, уже в начале XVI в., его брату И. Ю. Ростовскому Глухому досталось поместье в Деревской пятине⁵².

Сохранилось несколько известий о службе В. Ю. Ростовского. В 1508 г. он писал Ивану III о передвижении литовских войск возле Торопца, а в следующем 1509 г. возглавлял отряд из Холма, шедший на соединение с войсками Д. В. Щени Патрикеева. Его сыновья не сумели закрепиться среди «стратилатских» чинов. Из потомков В. Ю. Ростовского известен А. М. Бычков, отправленный в 1565 г. с другими князьями Ростовскими в свияжскую ссылку⁵³.

Сравнительно поздно, в первые годы XVI в., поместье получил двоюродный брат В. Ю. Ростовского П. В. Голый Волохов. В отличие от старших родственников, он довольствовался обычным окладом дворовых детей боярских в 30 обож. По сообщениям родословцев он умер бездетным, не проявив себя на служебном поприще⁵⁴.

Среднее по размерам поместье (35 обож) в Деревской пятине принадлежало и **К. М. Касаткину**. Он также, очевидно, поздно перебрался на новгородскую службу. Уже после завершения писцового описания собственные поместья получили его братья Юрий и Владимир⁵⁵. Вся эта ветвь князей Ростовских даже не претендовала на попадание в элиту новгородской корпорации.

Более значительными были служебные достижения **Яновых** и **Хохолковых**, получивших ряд воеводских назначений.

Помещиком Водской пятины был **И. И. Темка Янов**. Здесь же поместья принадлежали его двоюродным племянникам Хохолковым-

⁵⁰ *Сергеев А. В.* Из истории. С. 68–72; ТКДТ. С. 61.

⁵¹ Ю. Д. Ростовский погиб при взятии Казани в 1487 г. В. Ю. Бычок Ростовский владел поместьем, принадлежавшим прежде М. В. Беклемишеву.

⁵² ПКНЗ. Т. 1. С. 229; ПКНЗ. Т. 4. С. 352. После родственников Пужбольских.

⁵³ РК 1475–1598. С. 41, 42; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 248.

⁵⁴ НПК. Т. 3. Ст. 198–204; Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих... (далее – Родословная). М., 1787. Ч. 1. С. 92.

⁵⁵ ПКНЗ. Т. 4. С. 435, 489. После смерти бездетного К. М. Касаткина его поместье досталось В. И. Волкову-Приимкову.

Ростовским, образуя в нескольких погостах смежные массивы земли⁵⁶. Они, скорее всего, были одновременно переведены на новое место службы. Это переселение могло состояться уже во второй половине 80-х гг.

И. Темка в 1501 г. участвовал в походе «на немцы», а в 1514 г. был одним из воевод у Великих Лук. В 1509 г., в перерыве между этими кампаниями он был наместником Ивангорода⁵⁷. В соответствии со служебными достижениями находился его высокий оклад – более 100 обож, установленный на рубеже XV и XVI вв.⁵⁸ Карьера И. Темки прервалась в 1514 г. в сражении под Оршей, где он был «застрелен ис пушки». Его сыновья, несмотря на обширность отцовских поместий, продолжили службу в составе родовой корпорации. В середине XVI в. Темкины находились среди «князей Ростовских» и получили представительство в Боярской думе. Они сохраняли вотчины на территории Ростовского уезда, которые расширили за счет покупок у родственников⁵⁹.

Все сыновья Александра Хохолка были связаны с Новгородской землей. Ф. Горбатый получил поместье в Бежецкой пятине, а остальные компактно расположились в Водской пятине. И. Буйнос и А. Хохолковы получили равные поместья (58 и 57,5 обож), типичные для ростовских князей. Более скромное поместье досталось в первые годы XVI в. их младшему брату Д. Хохолкову⁶⁰.

Наиболее примечателен из этой семьи был И. Буйнос, который, начиная с 1501 г., регулярно упоминался в разрядах. Он принимал участие в смоленских кампаниях 1508 и 1512 гг., в псковском «взятии» 1510 г., а в 1516–1517 гг. находился среди воевод на Великих Луках, откуда был отправлен в поход на Полоцк. В 1521 г. его имя встречается среди воевод у Торопца. В 1535 г. он последний раз упоминается в разрядах, будучи воеводой на Коломне⁶¹. Его сын Иван вместе с отцовскими землями унаследовал поместье своего бездетного дяди А. А. Хохолкова. В итоге его поместье насчитывало 100 обож. В 1538–1539 гг. он был головой в полках (из числа знатных новгородцев), а затем в 1550 г. стал тысячником 1 статьи⁶².

⁵⁶ Временник общества истории и древностей российских (далее – ВОИДР). М., 1851. Кн. 11. С. 131–134, 353–378.

⁵⁷ РК 1475–1598. С. 32, 54; Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными (далее – ПДС). СПб., 1851. Т. 1. Ст. 154.

⁵⁸ С учетом придач в Деревской пятине (ПКНЗ. Т. 4. С. 461).

⁵⁹ *Городишин С. В.* К вопросу о родовых владениях. С. 59.

⁶⁰ ВОИДР. Кн. 11. С. 361–378; Отрывки писцовой книги Водской пятины 1504–1505 гг. Киев, 1908. С. 93.

⁶¹ РК 1475–1605. Т. 1. Вып. 1. С. 99, 101, 114, 125, 136, 153, 155, 161, 165, 166, 170, 180, 218, 257.

⁶² РГАДА. Ф. 137. № 5. Ч. 2. Л. 726–740 об.; РК 1475–1598. С. 94, 96; ТКДТ. С. 82. Кроме него в Тысячной книге с фамилией «Буйносовы» были записаны князья Н. и Ф. Д. Яновы-Ростовские.

Ярославские, князя

Как справедливо отметил А. А. Зимин, князья Ярославские долго сохраняли остатки суверенных прав, чему способствовало расположение их родовых земель, оказавшихся на границе великокняжеского домена и удельных княжеств (углицкий и вологодский уделы)⁶³. Большинство ветвей этого рода прочно связало себя со службой Ивану III. Некоторые из князей Ярославских в конце XV в. находились, однако, на удельной службе, другие – поддерживали удельных князей в их противостоянии с центральным правительством⁶⁴. Это обстоятельство предопределило скромное «представительство» этого рода среди новгородских помещиков.

Наиболее видное положение в составе ярославского княжеского дома в это время занимал **Д. А. Пенко**. Его отец был последним великим князем Ярославским. Именно он уступил свои права на этот «стол» Ивану III, сохранив земли в Закубенье. В 1495–1497 гг. Д. Пенко был новгородским наместником. С этим его поручением, вероятно, была связана передача ему новгородских поместий. В Бежецкой пятине его поместье насчитывало более 200 обож. Небольшое поместье неподалеку от Новгорода принадлежало ему в Деревской пятине. До 1501/02 г. было составлено его завещание. Сам он к этому времени оставил службу. Его новгородские поместья пошли в новые раздачи⁶⁵.

Крупным вотчинником, сохранявшим остатки суверенных прав, был **С. Р. Ярославский**, известный воевода второй половины XV в. Как и Д. А. Пенко, в 1496 г. он известен в качестве новгородского наместника⁶⁶. Общие черты можно найти и в характере их землевладения в Новгородской земле. Семену принадлежала волость Замутье в Бежецкой пятине (не менее 125 обож), а также небольшой участок в Обонежской пятине по соседству с Новгородом⁶⁷. Оба эти владения были взяты у него после завершения службы⁶⁸.

Позднее новгородским помещиком стал **С. П. Львов**, который несмотря на знатное происхождение, почти не оставил следов своей деятельности. Ему принадлежало поместье в Деревской пятине, составленное из «выморочных» земель Приимковых, размером не менее 50 обож, что соответствовало «воеводским» окладам рубежа XV–XVI в.⁶⁹ В этом

⁶³ Зимин А. А. Формирование... С. 97.

⁶⁴ В послании Ивана Грозного к А. М. Курбскому говорится, что: «дѣдъ твой, князь Михайло Карамышъ, со княземъ Андреемъ Углецкимъ на дѣда нашего, великого государя Иванна, умышлял измѣнны обычай».

⁶⁵ Зимин А. А. Формирование... С. 84; ПКНЗ, Т. 1. С. 228; НПК. Т. 2. Ст. 458–460.

⁶⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3. № 436. С. 434.

⁶⁷ НПК. СПб., 1910. Т. 6. Ст. 231–241; ПКНЗ. М., 1999. Т. 2. С. 279.

⁶⁸ В 1503/04 г. он сделал вклад в монастырь.

⁶⁹ ПКНЗ. Т. 4. С. 369; *Бенцианов М. М.* Новгородские источники. Новгородские источники Тысячной книги 1550 г. Опыт ретроспективного анализа // ДРВМ. № 1 (51). 2012. С. 45–46.

качестве, однако, он себя не зарекомендовал. Его единственный сын Иван был казнен в 1537 г. в «мятеже» князя Андрея Старицкого.

Все ветви потомков князя Глеба Васильевича Ярославского (**Щетинины, Засекины и Шаховские**) были представлены среди новгородских помещиков, хотя и находились здесь в разном качестве.

Небольшое поместье (24 обжа) принадлежало **Л. С. Глебову Щетинину**. Его единственным прежним владельцем был Б. Есипов, вотчины которого были конфискованы еще в 1476 г. Вполне вероятно, что он был среди рядовых детей боярских, получивших поместья в начале 80-х гг. По родословным данным, испомещен в Новгороде был также его племянник, **В. Д. Щетинин**, имя которого отсутствует в сохранившихся писцовых книгах⁷⁰.

Засекины были помещиками нескольких новгородских пятин. В смежных погостах на западе Деревской пятины обосновались братья М. и И. Сосун (Черный) И. Засекины. Поместье Михаила включало в себя 83 обжа и делилось на 2 части, первая из которых составляла 36 обеж. Это число соответствует размерам владения его младшего брата Ивана, получившего 35 обеж. Первоначально братья владели, видимо, средними по размерам поместьями. Затем в судьбе Михаила произошли перемены, и он получил весомые «придачи». Этот поворот, возможно, был связан с его «стратилатскими» назначениями. В 1503 и в 1508 гг. М. И. Засекин был воеводой в походах на «литовскую землю». Позднее в разрядах начинает фигурировать и его брат И. Сосун. В 1514–1515 гг. он был среди воевод на Великих Луках, в 1516 г. участвовал в походе к Витебску. Именно он в 1524–1526 гг. возглавлял посольство к императору Карлу V. В платежной книге 1543 г. он вместе со своими сыновьями был отмечен среди живущих помещиков. Это известие соответствовало реалиям первого десятилетия XVI в.⁷¹ В конце 30-х гг. отцовское поместье в полном объеме числилось за его младшим сыном – Иваном. Старшие же сыновья И. Сосуна (Черного) Федор, Данила и Андрей, видимо, оставили новгородскую службу. Позднее к ним присоединился и И. И. Черного-Засекин. В середине века все братья были записаны среди князей Ярославских⁷².

Остался в Новгороде и был весьма заметен по службе И. М. Чулков, их двоюродный брат, единственный наследник своего отца. Он регулярно упоминался в разрядах, возглавляя новгородские полки. В 1519 г. И. Чулок был воеводой в походе на Витебск, в 1521 г. «стоял» у Торопца, а в 1524, 1530 и в 1538 гг. принимал участие в походах на Казань. В 1532 г. он упоминался среди воевод на окских рубежах, в 1535 г.

⁷⁰ НПК. Т. 5. Ст. 5; Родословная. Ч. 1. С. 124.

⁷¹ НПК. Т. 1. Ст. 687–691; НПК. Т. 2. Ст. 638–647; РК 1475–1598. С. 34, 35, 39, 55, 56, 59; ПКНЗ. Т. 4. С. 418.

⁷² В 1547 г. князь Д. И. Черного-Засекин был одним из воевод в Нижнем Новгороде. Его брат, князь А. И. Черного-Засекин в 1549 г. был воеводой на Костроме (РК. 1475–1598. С. 112, 117). В более ранней Тысячной книге среди князей Ярославских были записаны только Ф., Д. и А. Черного Засекины.

принимал участие в походе новгородских воевод на «литовскую землю», а затем в 1537 г. был воеводой левой руки на Коломне⁷³.

Три сына Д. И. Засекина, двоюродные братья М. и И. Сосуна Засекиных, пропали в сражениях конца XV – начала XVI в. Ф. Большой погиб «под Выбором» (1495 г.), а Глеб был убит в 1514 г. в битве под Оршей, где в литовский плен попал также его брат Константин⁷⁴. По родословной сыновья Ф. Д. Большого «были все 3 на поместье въ Новгороде». Сам он, вероятно, также был новгородским помещиком. Эта ветвь Засекиных не слишком преуспела в служебном отношении. А. Ф. Засекину в конце 30-х гг. принадлежала всего 21 обжа, а его племяннику И. Гундору – 20,5 обож⁷⁵.

Больших успехов добились потомки К. Д. Засекина. Его сыновья Михаил Поротик и Василий в 1550 г. были взяты в число тысячников (М. К. Засекин – по 1 статье). Судя по расположению их земель, поместье их отца располагалось в Шелонской пятине, и в значительной степени было составлено из конфискованных церковных земель⁷⁶.

В конце 90-х гг. сыновьям **А. А. Шемяки Шаховского** принадлежало крупное компактное поместье (125,5 обож по «новому» письму) в волости Лопастаца. Эта волость фигурировала в разводной грамоте 1484 г. между Иваном III и Борисом Волоцким среди земель Аркажа монастыря. По наблюдениям А. А. Фролова, до конфискации 1499 г. этот монастырь в виде компенсации за Лопастацы получил земли в Обонежской пятине. Родословные свидетельствуют о службе А. Шемяки Андрею Углицкому, «пойманному» в 1491 г.⁷⁷ Пожалование Шаховским поместья, таким образом, произошло между этими датами. Не исключено, что первым помещиком в Новгороде стал сам Александр Шемяка. В Деревской пятине известен был клан помещиков Пестриковых-Дмитриевых, которые «служили Шаховскому». Свои поместья они получили примерно в это же время и вполне могли появиться здесь в свите этого вассала углицкого князя.⁷⁸

Родовые земли были потеряны Шаховскими при переселении. Им пришлось связать свою судьбу с новгородской службой. Каждому из них при разделе поместья досталось чуть более 20 обож. Несмотря на

⁷³ РК 1475–1598. С. 64, 70, 75, 80, 86, 91, 94.

⁷⁴ В родословной книге К. Д. Засекин был убит в этом сражении.

⁷⁵ Родословная. Ч. 1. С. 135–136; НПК. Т. 6. Ст. 519–521, 546–548.

⁷⁶ ТКДТ. С. 83; В 50-е гг. поместье М. К. Засекина насчитывало 38 с четвертью, а его брата Василия – 30,5 обож (НПК. Т. 4. Ст. 568–570; ПКНЗ. Т. 6. С. 33–35).

⁷⁷ НПК. СПб., 1862. Т. 2. Ст. 784–805; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее – ДДГ) М.; Л., 1950. № 77. С. 292; Кучкин В. А. Межевание 1483 г. и вопрос о древней новгородско-смоленской границе // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 173–174; Фролов А. А. Некоторые итоги и перспективы историко-географического изучения средневековых волостей Буйцы и Лопастацы // Историческая география. Т. 2 / Отв. ред. И. Г. Коновалова. М., 2014. С. 70; Родословная. Ч. 1. С. 138; Абрамович Г. В. Поместная система. С. 125.

⁷⁸ НПК. Т. 1. Ст. 187–193, 869–874; НПК. Т. 2. Ст. 549–550.

придачи, размеры их владений оставались скромными, что предопределило их невысокий служебный статус⁷⁹.

Слабо представлена в Новгородской земле была ветвь **Моложских**. Представители этой ветви рано отделились от других ярославских князей и вели собственный родовой счет. Наибольших успехов из них в конце XV в. добились Ушатые, представители которых неоднократно получали разрядные назначения.

Поместья **Ушатых** были расположены в Бежецкой пятине. Уже во второй половине 80-х гг. здесь, скорее всего, обосновались братья И. Большой и В. Ф. Ушатые⁸⁰. Оба они получили внушительные массивы земли. Поместье И. Ф. Ушатого Большого в конце 90-х гг. составляло 139 обож⁸¹. И. Большой (Ляпун) был задействован в новгородской службе. Именно он, видимо, был упомянут в разрядной записи 1493 г. похода из Великих Лук: «А в левой руке прилучит... быть Ондрею Колычову и Ушатому, ино быти и Ондрею да Ушатому». Эта служба, однако, имела для него временный характер. В 1494 г. он уже был среди детей боярских, в свите великой княжны Елены, а в 1501/02 г. известен как наместник Торжка⁸². Его поместье, соответственно, перешло в руки других владельцев. Оставили поместье и его племянники Юрий, Василий Чулок, известный воевода первой половины XVI в., и Иван⁸³.

Д. С. Глебов Шуморовский получил поместье в Водской пятине после церковных конфискаций 1499 г. По «новому» письму размер этого поместья составлял кратное число 40 обож. В писцовой книге он по аналогии со своими родственниками фигурирует как «Ушатый». По родословной он умер бездетным, так что Моложские в полном составе выбыли из новгородской корпорации⁸⁴.

Князя Стародубские

Несмотря на существование родовой корпорации князя Стародубские в конце XV в. существенно отличались между собой по своему положению. Их появление в Новгородской земле в значительном числе примеров было обусловлено выполнявшимися здесь административными и военными поручениями.

Наиболее видное положение среди Стародубских занимал боярин **С. И. Молодой Ряполовский**, зять И. Ю. Патрикеева. Ему принадлежали обширные владения в Бежецкой пятине, расположенные в непосредственной близости от земель его шурина и «соратника» В. И. Косого. Эти «боярщины» были конфискованы после опалы

⁷⁹ ПКНЗ. Т. 4. С. 491, 494–495. В Тысячной книге по Торощу был записан Д. Ю. Шаховский.

⁸⁰ В обоих поместьях среди прежних владельцев был И. З. Овинов.

⁸¹ ПКНЗ. Т. 1. С. 236;

⁸² РК 1475–1598. С. 23; Сб. РИО. Т. 35. С. 164; *Зимин А. А.* Формирование... С. 97.

⁸³ НПК. Т. 6. Ст. 252–253, 281–282. Часть их земель досталась И. П. Кушнику Курцеву, который уже в 20-е гг. находился в Новгороде.

⁸⁴ НПК. Т. 3. Ст. 833–834; Родословная. Ч. 1. С. 176.

1499 г., в которой С. Молодой был казнен⁸⁵. Их переход в руки этих влиятельных вельмож, состоялся, очевидно, в одно время, во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XV в.

Наместником Яма в 1492 г. был **И. Ф. Гундор Палецкий**, который был одновременно владельцем крупного поместья (110 беж) в Бежецкой пятине. Несмотря на это, новгородская служба имела для него эпизодический характер. В 1494 г. И. Гундор был среди «детей боярских» в свите великой княжны Елены. В 1501 г. он участвовал в походе в Северскую землю⁸⁶. Сохранялись за ним и родовые владения на территории бывшего стародубского княжества. К моменту проведения переписи конца 30-х – начала 40-х гг. новгородские владения были потеряны Гундоровыми⁸⁷.

Как и И. Гундор, в 1492 г. на службе в Новгородской земле находился **И. Д. Тулупов Палецкий**. О нем шла речь в переписке Ивана III с наместником Я. З. Кошкиным: «Вы бы... на Луки Тулупа с людьми посылали не мотчая». И. Тулупу принадлежало крупное поместье в Шелонской пятине (порядка 120 беж). В 1501 г. он был одним из воевод в походе на «литовскую землю», а затем участвовал в сражении с ливонцами⁸⁸. Его сыновья Василий и Семен в 1495 г. находились в свите Ивана III во время поездки в Новгород. В 1500 г. В. И. Тулупов присутствовал на свадьбе князя В. Д. Холмского. На новгородское поместье он перебрался, очевидно, позднее, унаследовав его от своего отца, хотя и не добился здесь особых успехов. А. и В. В. Тулуповы позднее фигурировали среди тысячников 1-й статьи⁸⁹.

Наименее успешной ветвью стародубского княжеского дома были **Голибесовские**. Никто из них в конце XV в. не получал разрядных назначений. Их представители регулярно «теряли» княжеский титул. Они, возможно, выбыли из родовой корпорации⁹⁰. **И. М. Гагарин** в 1495 г. был среди детей боярских «с постелею» (без титула). Ему принадлежало поместье в Водской пятине. По «новому» письму размер этого владения составлял 50 беж (один раз без титула)⁹¹. Он, вероятно, был переселен в Новгородскую землю в самом конце 90-х гг., и, судя по размерам поместья, принадлежал к прослойке дворовых детей боярских высокого ранга. Его потомки были связаны с новгородской службой, хотя и не достигли весомых результатов.

⁸⁵ *Зимин А. А.* Формирование... С. 41; ПКНЗ. Т. 1. С. 223–224.

⁸⁶ ПДС. Т. 1. Ст. 108; Сб. РИО. Т. 35. С. 164; РК 1475–1598. С. 32. Возможно, именно он (Иван Федоров Пестрого Палецкий) был упомянут в разряде свадьбы В. Д. Холмского и великой княжны Феодосии 1500 г.

⁸⁷ Помимо самого И. Гундора, в писцовой книге упоминался его сын Василий. Позднее вотчины в Стародубском уезде принадлежали внукам И. Ф. Гундора. В 1547 г. В. И. Гундоров служил по Вязьме.

⁸⁸ Сб. РИО. Т. 35. С. 70; НПК. Т. 5. Ст. 31, 62–63, 154; РК 1475–1605. Т. 1. Вып. 1. С. 67.

⁸⁹ РК 1475–1598. С. 26; ТКДТ. С. 83.

⁹⁰ *Назаров В. Д.* О титулованной знати. С. 201.

⁹¹ РК 1475–1598. С. 26; НПК. Т. 3. Ст. 145, 306–312.

Поместье **С. В. Голицы**, еще одного выходца из Голибесовских, отличалось скромными размерами. Всего ему досталось 15 беж земли, входивших прежде в состав владычных земель⁹². Несмотря на знатное происхождение, ему не было дано дополнительных «придач». В конце 30-х гг. он довольствовался прежним поместьем.

На службе «архиепископу в Новгороде» уже в 1488 г. находился **И. И. Кривоборский**. В этом качестве он фигурировал в письмах Геннадия Гонзова и посланиях Иосифа Волоцкого. На службе у Святой Софии он оставался вплоть до своей смерти⁹³.

Оболенские, князя

Оболенские перешли на московскую службу еще во второй половине XIV в. В составе Государева двора князя Оболенские служили по «особому списку». В конце XV в. сразу несколько членов этого рода входили в состав Боярской думы⁹⁴. Это обстоятельство объясняет немногочисленность Оболенских, связавших свою судьбу с новгородской службой.

Наиболее видным из них был **Александр Васильевич**, боярин и воевода конца XV – начала XVI в. Его основное поместье в Бежецкой пятине составляло 304,5 беж⁹⁵. Вспомогательный характер носило его небольшое поместье (13,5 беж) в Деревской пятине, неподалеку от самого Новгорода. В 1501 г. в сражении у Гельмета с войсками Ливонского Ордена А. В. Оболенский был убит. Его сын Варлаам, постригшись в монахи, не унаследовал отцовские владения⁹⁶.

Представителем **Тростенских-Оболенских** в составе новгородской корпорации был помещик Шелонской пятины П. Т. Тростенский. Его брат Василий погиб в Оршанской битве 1514 г. Их появление на новгородских поместьях уместно связать с воеводскими поручениями их отца, который в 1495 г. был воеводой в походе на «свейские немцы»⁹⁷.

Должностной характер носило поместье **В. И. Лыкова-Оболенского**, новгородского конюшего первых лет XVI в. в Водской пятине⁹⁸. Никто из его потомков в дальнейшем не фигурировал среди новгородских помещиков.

⁹² НПК. Т. 5. Ст. 65, 264. Не исключено, что и сам он находился на службе у софийской кафедры.

⁹³ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 194; НПК. Т. 2. Ст. 631–634; *Фролов А. А.* Структура новгородских пятин на рубеже XV–XVI веков: сравнительный аспект изучения // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога, 2003. Вып. 6. С. 98.

⁹⁴ *Зимин А. А.* Формирование. С. 43–44, 55; *Alef G.* Reflections in the Boyar Duma in the reign of Ivan III // Slavonic and East European review. 1967. Vol. 45. № 104. P. 101–102.

⁹⁵ ПКНЗ. Т. 4. С. 227. Г. В. Абрамович считал, что это владение принадлежало ему на правах вотчины (АИСЗР. Т. 1. С. 237).

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 28. С. 335. Вотчины в Бежецком Верхе перешли к его племянникам.

⁹⁷ НПК. Т. 5. Ст. 27; Памятники истории русского служилого сословия конца XIV – конца XVII вв. (далее – ПИРСС). М., 2011. С. 67; РК 1475–1598. С. 24.

⁹⁸ НПК. Т. 3. Ст. 486, 488.

Более широко были представлены на новгородских поместьях сыновья **К. С. Оболенского**. Эта семья заметно уступала своим более именитым родственникам. В Деревской пятине М. Сухорукий и Ю. Глазатый получили равные поместья – 57 и 56 обеж, соответственно. Их испомещение произошло где-то в начале 90-х гг.⁹⁹ После окончания переписи собственные поместья получили другие Константиновы – Борис Тюфяка, Петр, Дмитрий, Василий Краса и Василий Белый¹⁰⁰. При дефиците свободных земель размеры их поместий уступали старшим родственникам: В. и Д. К. Оболенские получили «стандартные» оклады по 30 обеж. Из перечисленных братьев Б. Тюфяка не удержался на новгородской службе. В платежной книге 1543 г. зафиксировано его порозжее поместье, а его сын Василий был записан в Тысячной книге по Дмитрову. Б. К. Оболенский перешел, вероятно, на службу к князю Юрию Дмитровскому сразу после образования его удела (1505 г.)¹⁰¹. Константиновы-Оболенские не слишком преуспели в служебном отношении. Никто из них не вошел в число воевод новгородской рати. Единственное упоминание об их службе относится к 30-м гг., когда М. Ю. Кривонос командовал отрядом в неудачном походе 1536 г. из Рославля на Кричев (без упоминания в разрядах)¹⁰². Отсутствие перспектив вынуждало их переходить на службу в «московские города», где заметных успехов позднее добились Ф. Ю. Глазатый и Ф. М. Черный. Подобным переходом способствовало сохранение традиций родового единства среди Оболенских. Трогательной заботой о дочерях погибшего под Казанью И. Д. Красина Оболенского отметился их «дед» – П. И. Горенский, находившийся с ними в отдаленном родстве¹⁰³.

Лишь немногие фамилии из родов, служивших по «княжеским спискам», сумели закрепиться в элите новгородской корпорации. Некоторые из них, сохранив родовые земли или перейдя на службу к удельным князьям, оставили свои поместья. Разрядные назначения регулярно получали, пожалуй, только Буйносовы и Засекины. Остальные же по тем или иным причинам утратили свои позиции. Связи с родственниками, многие из которых были представлены в Боярской думе, тем не менее позволили многим новгородским ветвям этих княжеских фамилий во второй половине XVI в. существенно повысить свой статус.

⁹⁹ НПК. Т. 1. С. 531–540, 856–864; На судебном разбирательстве 1496 г. И. К. Глутого Оболенского с властями Троице-Сергиева монастыря отсутствовали его братья. (АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 607. С. 505–510).

¹⁰⁰ ПКНЗ. Т. 4. С. 362–363, 367, 381, 404, 431. Среди сыновей князя Константина было два Дмитрия.

¹⁰¹ ПКНЗ. Т. 4. С. 362; ТКДТ. С. 66.

¹⁰² Кром М. М. Стародубская война. 1534–1537. Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. С. 101–102.

¹⁰³ Бенцианов М. М. Княжеские родовые корпорации. С. 7–8, 15–17; ДАИ. Т. 1. № 52. С. 115–116.

Безземельные князья

Князь Борис Тебет Уланович

После «Васильева письма Наумова», в первые годы XVI в., получил поместье Б. Тебет Уланович. Судя по фамилии, он был одним из «уланов» – «огланов» на литовской службе. Ему досталось внушительное поместье в Бежецкой пятине. В конце 30-х гг. по «старому» письму оно насчитывало 189 обож¹⁰⁴.

В составе новгородской корпорации Б. Тебет играл заметную роль. В 1502 г. он был одним из воевод в походе на «немецкие земли». В смоленской кампании 1513 г. он первоначально был выдвинут с полками в Холмский городок, а затем из Великих Лук участвовал в походе на Полоцк. С 1514 по 1517 г. он упоминался в разрядах на «Луках», в 1519 г. вновь был воеводой правой руки в полоцком походе. Последнее известие о его деятельности относится к 1521 г., когда Б. Тебет Уланович находился в Торопце. Писцовая книга конца 30-х – начала 40-х гг. показывает, что все его поместье, достигшее к этому времени 264 обож, находилось в руках его невестки Марии и внука Семена. Сам Борис к этому времени, очевидно, уже умер¹⁰⁵.

Мещерские, князья

По сообщениям родословных книг, новгородскими помещиками были Б. и В. И. Прозвигер Мещерские. Их имена отсутствуют в текстах писцовых книг. Землевладение их потомков показывает, что братья были помещиками Бежецкой пятины и, скорее всего, получили свои поместья одновременно. Судя по расположению части их земель на слободках, передача им новгородских поместий произошла в 90-е гг. XV в. Всего братьям Борисовым должно было принадлежать порядка 442 обож¹⁰⁶. Они были одними из крупнейших помещиков, хотя и не отличались служебными достижениями.

Передача им новгородских земель могла быть компенсацией за взятые владения в Мещере. Вплоть до конца века Мещерские (из рода Ширин) обладали здесь определенным набором княжеских прав. Московско-рязанский договор 1483 г. определял их участь: «А что наши князи мещерские, которые живут в Мещере и у нас у великих князей, и тебе (Ивану Рязанскому – М. Б.) их к собе не приимати. А побегат от нас и тебе их добывати нам бес хитрости, а добыв ти их нам выдати». В завещании Ивана III князья Мещерские уже не упоминались. Можно предположить, что все они, вне зависимости от старшинства и зани-

¹⁰⁴ НПК. Т. 6. Ст. 134–139. Им принадлежало село Улановичи в Новгородском повете.

¹⁰⁵ РК 1475–1605. Т. 1. Вып. 1. С. 81, 114, 125, 135, 140, 148, 153, 154, 161, 166, 181; НПК. Т. 6. Ст. 139–142.

¹⁰⁶ ПКНЗ. Т. 1. С. 226; ПКНЗ. М., 2001. Т. 3. С. 19; НПК. Т. 6. Ст. 355–372. В родословные книги попала фраза «живут на Раю» (от волости Рай), относящаяся к сыновьям В. И. Прозвигера.

маемого положения, были переселены на новые места службы. Синхронно с появлением Борисовых Мещерских на новгородских поместьях их двоюродные братья – М., Н. и Я. К. Мещерские получили большие массивы земель в Каширском уезде¹⁰⁷.

Несмотря на внушительные размеры земельных владений, эти Мещерские не попали в число новгородских «воевод», а их привлечение к разрядным назначениям относится уже ко второй половине XVI в.

Другая ветвь **Мещерских** обосновалась в Водской пятине. Имена Г. и В. И. Мещерских упоминаются в так называемой «Поганой книге», выписках из писцовой книги Д. Китаева. В этом источнике они фигурировали без княжеского титула, который появился в более поздних писцовых описаниях у их потомков. Судя по позднейшим данным, всего в этой семье было пять сыновей: Григорий, Василий, Иван, Федор и Михаил. По крайней мере, четверо из них владели поместьями по 23 обжа. Следуя этой логике, всего братьям должно было достаться 115 обож, «кратный» размер поместья. Характерно, что вся эта ветвь отсутствует в родословных росписях. Более позднее переселение в Новгородскую землю и, видимо, менее знатное происхождение, привели к значительному уменьшению их поместных окладов. Они были рядовыми детьми боярскими, испытывавшими недостаток земель для несения службы. В середине XVI в. из этой ветви тысячником стал А. Ф. Мещерский¹⁰⁸.

Еще несколько **Мещерских** (также без титула) встречаются в платежнице Деревской пятины. Их связь с князьями Мещерскими не находит подтверждения, хотя и кажется возможной. На дворцовых землях было создано 2 поместья, каждое из которых насчитывало по 30 обож, оклад дворовых детей боярских, испомещаемых на рубеже веков¹⁰⁹.

Елецкие, князя

Согласно московско-рязанскому договору 1483 г., «Елеч и вся Елецкая места» признавались «отчиною» Ивана III¹¹⁰. Сами елецкие князья перешли на московскую службу, видимо, еще в предшествующие десятилетия. Первые разрядные назначения для членов этого рода были связаны с новгородской службой, куда все сыновья князя И. Кокоря Елецкого были переселены на рубеже веков. Они получили поместья в Водской пятине, сформированные после церковных конфискации 1499 г. Описание их земель было размещено после «служилых людей» (подьячего и псаломника) и, скорее всего, было сделано после окончания работы над основной частью писцовой книги. По «новому

¹⁰⁷ ДДГ. № 76. С. 286; Черменский П. Н. Из истории феодализма на Мещере и в Мордве // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1963. С. 3–4; Бенцианов М. М. Каширская десятина 1556 г. и проблема формирования «служилого города» // Проблемы истории России. Вып. 10. Екатеринбург. С. 109–110.

¹⁰⁸ Русская историческая библиотека (далее – РИБ). СПб., 1908. Т. 22. С. 29; РГАДА. Ф. 137. № 5. Ч. 2. Л. 440–444 об., 571–572 об., 786–797; Архив СПб ФИРИ. Кол. 2. Кн. 23. Л. 397–399 об.; ТКДТ. С. 83.

¹⁰⁹ ПКНЗ. Т. 4. С. 391; ПКНЗ. Т. 5. С. 171.

¹¹⁰ ДДГ. № 76. С. 285.

письму» поместный оклад князя И. И. Селезня составлял 50 обеж, его брата Петра – 51 (50 по старому), Дмитрия, «Селезенева брата» – 45, а Семена и Ивана Меньшого – 70 обеж на двоих¹¹¹. Обращает внимание постепенное уменьшение поместных окладов в зависимости от возраста (служебной значимости), и кратность земельных наделов. Впоследствии Петр и Семен несколько раз фигурировали в качестве воевод новгородской рати. П. И. Елецкий в 1513 г. был воеводой в походе на Бряславль, а затем был направлен с войсками к Полоцку. В 1514 и 1515 гг. он стоял с полками на Великих Луках и участвовал в походе на Витебск¹¹². С. И. Елецкий, в свою очередь, в 1532 г. был оставлен в новопостроенном Велиже¹¹³. К середине 50-х гг. Елецкие имели традиции «стратилатских» назначений. Двое из них были взяты в число тысячников, успешно продолжив впоследствии службу¹¹⁴.

Путятины, князя

Происхождение Путятиных туманно. Их связь с Путятиными-Друцкими выглядит неубедительной. Представители этой фамилии невысоко котировались в конце XV в. В писцовой книге был проигнорирован их титул. И. Н. Путятин фигурирует здесь с фамилией «Елецкого»¹¹⁵. Возможно, Путятины были выходцами из этого рода. Все Никитины Путятины получили поместья в Водской пятине. В целом размеры их поместья соответствовали минимальным окладам «дворовых» – 30 обеж. Значительно меньшие размеры поместий Д. и В. Н. Путятиных (16,6 обеж у каждого по «новому» письму) объясняются, видимо, разделением общего поместья во время проведения переписи. Судя по именам предыдущих владельцев, образование этого общего поместья могло произойти не ранее конца 80-х гг.

В 1514 г. в сражении у Орши в плен попали П. Н. Путятин (Путятин)¹¹⁶ и его «братанич князь Семен Иванович». В писцовой книге конца 30-х – начала 40-х гг. многочисленные Путятины также упоминались с княжеским титулом, хотя и не слишком улучшили свое земельное обеспечение. Двое из них были отмечены в Тысячной книге¹¹⁷.

Кропоткины, князя

Кропоткины были связаны по происхождению со смоленским княжеским домом. Обстоятельства их перехода на московскую службу неопределенны. В последнем десятилетии XV в. одна из ветвей Кро-

¹¹¹ НПК. Т.3. Ст. 341–353.

¹¹² РК 1475–1605 гг. Т. 1. Вып. 1. С. 55, 124, 140, 141, 146, 148, 160.

¹¹³ РК 1475–1605 гг. Т. 1. Вып. 1. С. 262.

¹¹⁴ ТКДТ. С. 84. Михаил Петров и Иван Иванов Селезнев.

¹¹⁵ НПК. Т. 3. Ст. 232.

¹¹⁶ Он умер до 1525 г.

¹¹⁷ ТКДТ. С. 83, 84. Князь Г. В. Путятин в 1556 г. шел «с нарядом» в походе на «свейских немец» (РК. С. 155).

поткинских находилась на службе у Ивана III, а их родственники служили в Великом княжестве Литовском¹¹⁸.

Точно определяется время появления Кропоткиных в Новгородской земле. В писцовой книге запись имен Кропоткиных носит характер приписки – «отдана лета 7008» (1499/1500 г.)¹¹⁹. Их появление здесь было не случайно. Уже в 1501 г. князь А. А. Кропоткин Большой¹²⁰ был воеводой в походе на «немцы». В Типографской летописи среди убитых в 1502 г. в сражении у Смолино фигурирует князь Федор Кропотич, а в Воскресенской – Андрей Большой¹²¹. Оба эти сообщения, вероятно, отражали реальные факты. В платежной книге 1543 г., опирающейся на источники первого десятилетия XVI в., В. и А. Меньшой показаны среди совладельцев (что подтверждает «реликтовый» характер записи). Еще одним владельцем этого поместья был Иван, сын Андрея Большого. Отдельное поместье Ф. А. Кропоткина «запустело» и перешло в разряд оброчных земель¹²².

Размеры окладов старших Кропоткиных, двух Андреев и Василия Александрова соответствовали нормам, принятым на рубеже столетий для воевод, – по 51 обжи на каждого. Помимо воеводской службы Андрея Большого, разрядные назначения получал впоследствии его брат Андрей Меньшой. В 1515 г. он был воеводой из Ржевы в походе на «Литовскую землю». В 1521 г. находился с войсками в Торопце, а в 1524 г. участвовал в казанском походе¹²³.

В середине XVI в. сразу 11 Кропоткиных вошли в число тысячников. Анализ новгородской части Тысячной книги показывает, что многие из них должны были пойти на «повышение», еще в конце 30-х гг.¹²⁴

Кропоткины, таким образом, находились среди первых лиц новгородской корпорации, оправдав своей службой связываемые с ними планы московского правительства.

Мышецкие, князья

Мышецкие по своему происхождению были связаны с «верховскими» князьями. Их родовое гнездо – волость Мышега – по завещанию Ивана III передавалась его сыну Василию. На московской службе они известны были раньше. В 1480 г. на докладе у коломенского наместника Я. З. Кошкина упоминался И. Мышецкий¹²⁵.

¹¹⁸ Князь И. Д. Кропотка (Кропоткин) на литовской службе получил имения в Луцком повете. По родословной А. Д. Кропоткин, отец новгородских помещиков, «пожалован был от великого князя Ивана Васильевича всеа России городом Медынею да полу Володимиром» (ПИРСС. С. 158).

¹¹⁹ НПК. Т. 1. Ст. 248, 751.

¹²⁰ РК 1475–1605. Т. 1. Вып. 1. С. 67. В разрядной книге ему присвоено ошибочное отчество – «Васильевич».

¹²¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 242, Т. 24. С. 215.

¹²² ПКНЗ. Т. 4. С. 363, 368, 379, 424. Запустело до «писма», то есть до конца 30-х гг.

¹²³ РК 1475–1605. Т. 1. Вып. 1. С. 146, 170, 181, 190, 198.

¹²⁴ ТКДТ. С. 87–88; *Бенцианов М. М.* Новгородские источники. С. 35.

¹²⁵ ДДГ. № 89. С. 354; *Сметанина С. И.* Докладная полная XV века // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 336.

Родословная Мышецких, составленная в XVII в., содержала сведения о «ссылке» И. Мышецкого в Новгород в 1488 г., хотя они приобрели поместья позднее. В писцовой книге Водской пятины возле их имен стоит дата «7009» (1500/1501). Всего 4 братьев Ивановых получили не менее 140,5 обож, что подтверждает их принадлежность к «дворовым». В 1550 г. Мурза Мышецкий был в числе тысячников из дворовых детей боярских¹²⁶.

Селеховские, князья

Селеховские были выходцами из смоленского княжеского дома. Они, видимо, служили тверским князьям¹²⁷. Платежница Деревской пятины 1543 г. упоминает среди прежних владельцев С. Селеховского. Раздачи в волости Крупая, где находилось это поместье, производились «7012» (1503/04 г.) Поместье Семена составляло всего 10 обож¹²⁸. Его сын Иван был среди пленников оршанской битвы 1514 г. и вернулся на родину лишь в 1552 г.¹²⁹ В волости Крупая располагалось «гнездо» Ростопчиных, и поместье К. Е. Костюрина, также связанных с территорией бывшего Тверского княжества. Поместные раздачи затронули всех этих тверичей (по единому списку) в первые годы XVI в.¹³⁰

Белосельские, князья

Белосельские были единственной фамилией князей Белозерских, представленной на новгородских поместьях в конце XV в. Уже во второй половине XV в. Белое Село – их родовая вотчина – перешла под управление великокняжеской администрации. Имена многих представителей этой фамилии отсутствуют в родословных. Не встречается здесь, в частности, И. Ф. Шарап Белосельский, помещик Шелонской пятины¹³¹. По «старому» письму ему принадлежало 24 обжи, по «новому» же всего 14,5¹³². Судя по последующей активной хозяйственной деятельности, поместье ему досталось в состоянии, близком к «новому» письму. В соседнем погосте позднее известны были поместья его двоюродных братьев – В. и В. Слитка И. Белосельских. Им также достались небольшие по размерам поместья (17 и 17,5 обож). Испомещение всех

¹²⁶ Мятлев И. В. Князья Мышецкие // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1911. Вып. 4. С. 95; ВОИДР. Т. 11. С. 55; ТКДТ. С. 84.

¹²⁷ Их родовое владение – село Селехово располагалось в Тверском уезде (ПМТУ. С. 286).

¹²⁸ ПКНЗ. Т. 4. С. 389. Известно также поместье Ф. С. Селеховского, полученное отдельно от отца.

¹²⁹ Сб. РИО. Т. 59. С. 355.

¹³⁰ ПКНЗ. Т. 4. С. 387–389.

¹³¹ Грязнов А. Л. Белозерские Рюриковичи в XV – начале XVI в. // Труды кафедры Истории России с древнейших времен до XX века. Т. 1. С. 410–411.

¹³² НПК. Т. 4. Ст. 160–162. Писцовая книга конца 30-х – начала 40-х гг. фиксирует увеличение этого поместья до 18,5 обож.

Белосельских, скорее всего, было произведено в одно и то же время, где-то на рубеже столетий¹³³.

Более значительное поместье принадлежало в Водской пятине Г. Ф. Белосельскому (упоминается без титула) – 33 обжи (по «старому» письму). В «Поганой книге» он значится как «Салтыковский Травина». ¹³⁴ И. И. Салтык, воевода Ивана III, умер в 1489 г. Его «люди» получили поместья в Водской пятине уже, видимо, только в 90-е гг. Несмотря на этот «постыдный» факт, Г. Ф. Белосельский и его потомки¹³⁵ были единственной ветвью Белосельских, попавшей в родословные книги.

Целенаправленное переселение в Новгородскую землю безземельных князей, предпринятое московским правительством на рубеже XV–XVI вв., лишь отчасти достигло своей цели¹³⁶. Только некоторые из них сумели проявить себя в качестве воевод (Б. Тебет Уланович, Елецкие, Кропоткины). Другие – дополнили число детей боярских невысокого ранга.

Оценивая итоги привлечения «княжеского элемента» в состав новгородской поместной корпорации, стоит отметить постепенное уменьшение их роли в организации службы. В первые годы после завоевания Новгорода внушительные массивы земель были переданы «князьям» с высоким индивидуальным статусом (Ф. И. Бельский, Патрикеевы, Холмские), которые за счет собственных отрядов могли защищать новоприосвоенную территорию. Активно раздавались новгородские поместья в виде компенсации за родовые земли для владетельных князей Северо-Восточной Руси, а также выступали в качестве должностных наделов для наместников и воевод, несших службу в Новгородской земле. При организации новгородской корпорации во второй половине 90-х гг. московским правительством было инициировано переселение группы безземельных князей, которые должны были составить костяк собственно новгородских воевод. Со временем, однако, количество «князей» значительно уменьшилось. Часть из них оставляла новгородскую службу, вернувшись в родовые корпорации или перейдя в уделы сыновей Ивана III. Процесс «вымывания» элиты новгородской корпорации шел на протяжении всего XVI в. Значительно снизилось и их качественное значение. Наряду с «князьями» разрядные поручения регулярно получали и нетитулованные местные помещики. Многие представители княжеских фамилий опустились до уровня рядовых детей боярских. К середине XVI в. присутствие «князей» в новгородской корпорации имело формальный характер, что было отражением общерусского процесса оформления единого служилого сословия.

¹³³ НПК. Т. 4. Ст. 419–422, 432–434. Часть поместья Ивановых Белосельских составили земли Юрьева монастыря.

¹³⁴ НПК. Т. 3. Ст. 517–520; РИБ. Т. 22. С. 26.

¹³⁵ Его сыновья в писцовой книге конца 30-х – начала 40-х гг. также упоминались без княжеского титула.

¹³⁶ Подробно см.: *Бенцианов М. М.* Новгородские источники. С. 42–43.